

## Идея иерархии в праве: практические аспекты

**И. Н. Васев**

*Алтайский государственный университет*

*пр. Социалистический, 68, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: vasev1986@mail.ru*

Современная практическая юриспруденция сталкивается с множеством трудностей, вызванных несогласованностью действующего законодательства. Разрешение коллизий норм разной юридической силы, коллизий общих и специальных норм, темпоральных (временных) коллизий составляет неотъемлемую часть деятельности правоприменителя. Особенно актуальна данная проблема в части столкновения правовых норм разной юридической силы. Иерархически устроенная правовая система предполагает внутреннюю координацию нормативно-правовых актов. Классическим принципом разрешения коллизий между нормативно-правовыми актами разной юридической силы является правило о приоритете нормы большей юридической силы. Однако внешняя простота данного правила осложняется применительно к России отсутствием легальной системы нормативно-правовых актов, а также принципом федерализма. Указанная иерархия формулируется усилиями теоретической науки. В статье обсуждаются и проблемные моменты использования иерархии нормативно-правовых актов в случае их коллизионного столкновения.

**Ключевые слова:** иерархия нормативно-правовых актов, коллизия норм права, коллизионное правовое регулирование, принцип федерализма.

## Hierarchy in Law: Practical Approach

**I. N. Vasev**

*Altai State University*

*68 Sozialistichesky St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: vasev1986@mail.ru*

Modern practical jurisprudence is faced with many difficulties caused by the inconsistency of the current legislation. The resolution of conflicts of norms of different legal force, collisions of general and special norms, temporal (temporary) collisions is an integral part of the law enforcer's work. This problem is particularly topical in relation to the interference of legal norms of different legal force. A hierarchically arranged legal system presupposes internal coordination of legal acts. The classical principle of resolving conflicts between normative legal acts of different legal force is the rule of the priority of a norm of greater legal force. However, when Russia is concerned, the deceptive simplicity of this rule is complicated by the lack of a legal system of legal acts, as well as by the principle of federalism. The hierarchy under discussion is developed by the efforts of theoretical science. The article also discusses the problematic aspects of using the hierarchy of legal acts in case of their collision.

**Key words:** hierarchy of normative legal acts, conflict of laws, conflict of law regulation, principle of federalism.

Идея иерархического построения права является ключевой для современной юриспруденции. Она, в частности, выражается в таких качествах права, как системность, беспробельность, коллизионная согласованность и пр. И, тем не менее, в России отсутствует сколь бы то ни было обстоятельное законодательное регулирование вопроса иерархии источников права и даже иерархии нормативно-правовых актов. Предполагалось, что данный пробел в некоторой степени устранил ФЗ «О нормативных правовых актах». Проект этого закона был принят Государственной Думой РФ в первом чтении в 1996 г., но отклонен в 2004 г. Но даже из тех немногих статей проекта, которые были прямо посвящены вопросам иерархии нормативно-правовых актов, явствовало, что современный законодатель еще не в состоянии разрешить поставленную задачу. Тем более не в состоянии законодатель и предустановить некую непротиворечивую модель соотношения различных источников права. Г. Ф. Шершеневич в свое время по этому поводу замечал: «Из равносильности норм права можно с одинаковым успехом вывести как то, что каждая из форм может отменить противоречащее ей положение другой формы, так и то, что ни одна из форм не в состоянии отменить положения, созданного другой, равносильной ей, формой» [Шершеневич 1910: 121].

Потребности же практического правоприменения требуют установления хотя бы инструментальной модели иерархии нормативно-правовых актов. Исходным принципом при построении такой системы неизменно выступает юридическая сила конкретного вида нормативно-правового акта. Система нормативно-правовых актов в России не имеет легального закрепления, что, в принципе, оправдано, т. к. возложение на законодателя труда по установлению такой системы означало

бы стремление к формализации постоянно изменяющейся правовой жизни. Поэтому иерархия нормативно-правовых актов в России в зависимости от их юридической силы устанавливается усилиями теоретической науки. В настоящее время система нормативно-правовых актов в Российской Федерации представляется следующей:

1) Конституция Российской Федерации. Для дополнительного обоснования ее значения наука зачастую пользуется термином «Основной закон», однако такая практика не имеет под собой легального основания. Перед нами всего лишь доктринальная отсылка к немецкой правовой науке (*Das Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland*). Сама же Конституция РФ «Основным законом» себя не именует.

Утверждение системообразующей роли Конституции РФ по отношению ко всей системе нормативно-правовых актов находит свое выражение в следующих ее положениях:

Ст. 15 Конституции РФ:

«1. Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации».

Сама Конституция РФ прямо не отвечает на вопрос об (не-)однородности ее текста с точки зрения юридической силы. Формальный повод для усмотрения такой внутренней иерархии имеется (ч. 2 ст. 16 Конституции РФ). И даже Конституционный Суд РФ изначально давал повод рассуждать о неравносилности конституционных положений [Определение Конституционного Суда РФ № 13-О от 01.04.1996]. Современная же теория права все более склоняется к той точке зрения, что текст Конституции РФ однороден в своей юридической силе [Петров 2020] и нет оснований устанавливать внутреннюю иерархию положений Конституции РФ;

2) общепризнанные принципы и нормы международного права, нормы международного договора. Согласно общераспространенной традиции, общепризнанные принципы и нормы международного права, нормы международного договора занимают второе место в приводимой иерархии. Для обоснования такого взгляда на юридическую силу норм международного права традиционно избирается ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Однако такая точка зрения, будучи популярной в первые два десятилетия после принятия Конституции РФ 1993 г., в настоящее время не является более общепризнанной. Приоритетность норм международного права по отношению к национальному (исключая Конституцию) выводилась в свое время из одностороннего грамматического толкования ч. 4 ст. 15 Конституции. Вместе с тем в случае противоречия смысла, заложенного законодателем в словесную оболочку нормы права, с системным смыслом той же нормы, устанавливаемым за счет сопоставления ее со смежными по содержанию нормами, приоритет должен отдаваться системному смыслу. Иначе говоря, результаты грамматического толкования корректируются результатами системного толкования нормы. Именно поэтому дореволюционные юристы для обозначения системного толкования прибегали к термину «реальное толкование». Е. В. Васьковский указывал, что слова зачастую не могут передать волю законодателя без искажений, т. к. они сухи и не отражают всего смыслового контекста. Для устранения неточностей в понимании такой нормы и существует «реальный» способ толкования (современный системный, исторический, целевой и пр. способы в совокупности) [Васьковский 1913].

А «реальный» смысл ч. 4 ст. 15 заключается в том, что она должна быть сопоставляема с положениями о суверенности Российского государства, с нормами о статусе Федерального Собрания РФ и иных высших органов государственной власти. Так, при поспешном признании приоритета норм международного права ч. 4 ст. 15 почему-то не соизмеряется с ч. 6 ст. 125 Конституции РФ.

Ч. 6 ст. 125 Конституции РФ:

«6. Акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу; не соответствующие Конституции Российской Федерации международные договоры Российской Федерации не подлежат введению в действие и применению».

Именно этими соображениями и была обусловлена поправка к ст. 79 Конституции РФ в 2020 г., которая в настоящее время гласит:

«Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации».

Необходимо помнить, что норма международного права становится обязательной для Российской Федерации в случае ее ратификации Федеральным Собранием РФ. Указанная норма в случае ее ратификации предполагает ее изначальную согласованность с национальным законодательством. Если же между ними имеется рассогласованность, то возможны два варианта:

1) национальное законодательство перед ратификацией нормы международного права приводится в соответствие этой норме, а потому при ратификации между ними отсутствуют содержательные коллизии [Хисамов 2010: 58-61]. В таком случае норма международного права приобретает форму федерального закона о ратификации, а значит, проникает в тело национального права именно на уровне федеральных законов.

2) норма международного права ратифицируется без предварительного приведения в соответствие с ней норм национального права. И здесь, казалось бы, в полной мере должна проявить себя ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Но столь поспешное признание за нормой международного права повышенной юридической силы порождает неразрешимые противоречия на практике.

Так, ст. 34 «Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о режиме российско-китайской государственной границы» устанавливает:

«1. Пограничные представители совместно с компетентными властями в возможно короткие сроки проводят расследование в отношении лиц, нарушивших государственную границу, устанавливают их личность, факт и причины нарушения границы и осуществляют их передачу компетентным властям Стороны, с территории государства которой они нарушили границу, в течение 7 дней с момента задержания.

3. Если лицо, нарушившее границу, совершило на территории государства Стороны, компетентные власти которой его задержали, другие преступные деяния, эти компетентные власти могут в соответствии с законодательством своего государства задержать указанное лицо на срок, необходимый для расследования обстоятельств его преступных деяний» [Соглашение от 09.11.2006].

Иначе говоря, если лицо, незаконно пересекающее Государственную границу РФ, является гражданином КНР и не совершило иных преступлений (кроме незаконного пересечения Государственной границы РФ) на территории РФ, то оно подлежит передаче КНР.

Но Уголовный кодекс РФ в то же самое время в ст. 322 устанавливает уголовную ответственность за незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации. При этом ст. 1 Уголовного кодекса РФ недвусмысленно устанавливает:

Ст. 1 УК РФ «Уголовное законодательство Российской Федерации»:

«1. Уголовное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса. Новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс». И хотя в той же статье имеется общая отсылка к международному праву («2. Настоящий Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права»), общего положения дел это не меняет.

Слепое применение нормы международного права в ущерб норме национального права означало бы постепенное разрушение здания национальной правовой системы. Поэтому перед нами не случай, подтверждающий буквальный смысл ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, а, скорее, пример крайне ошибочного, ненормального развития национального права, представляющий собой не норму, а отклонение от системного смысла Конституции РФ.

Таким образом, норма международного права ни в коем случае не может посягать на принцип суверенности национального государства, а потому включается в систему национального права через ратификацию и только в форме федерального закона. Значит, общепризнанные принципы и нормы международного права, нормы международного договора с точки зрения юридической силы не занимают особого второго места непосредственно после Конституции РФ, а располагаются на уровне федеральных законов;

3) законы о поправках к Конституции РФ. Их высокое положение обусловлено тем, что, по сути, они содержат в себе конституционный текст;

4) федеральные конституционные законы РФ, служащие непосредственному развитию положений Конституции. Они принимаются в случаях, прямо предусмотренных Конституцией, при соблюдении особого порядка принятия;

5) федеральные законы РФ. Как уже было отмечено выше, именно к этому уровню необходимо относить и нормы международного права.

В группе федеральных законов проблема осложняется наличием в ней кодексов и основ законодательства;

6) указы Президента РФ;

7) постановления Правительства РФ;

8) нормативно-правовые акты федеральных органов исполнительной власти. В практической области постоянно возникает проблема идентификации правовых актов, фактически содержащих в себе нормы права, но формально относимых к числу правоприменительных правовых актов. Высшие судебные инстанции РФ в настоящее время в своей практике все более склонны расценивать ненормативные по форме, но нормативные по существу правовые акты как нормативно-правовые акты [Определение Конституционного Суда РФ от 02.03.2006 N 58-О];

9) конституции республик и уставы иных субъектов РФ. На уровне субъекта РФ фактически повторяется система НПА федерального уровня. Основными НПА субъекта являются конституции и уставы, конституционная разница между ними является технической (конституции республик принимаются на республиканских референдумах);

10) законы субъектов РФ. В отдельных субъектах РФ предусмотрено усложнение системы их законодательства за счет конституционных (уставных) законов. Согласно приводимому в научной литературе перечню, принятие таких «органических» законов предусмотрено всего в 7 субъектах Российской Федерации – республиках Саха (Якутия), Северная Осетия – Алания, Тыва, Ингушетия, Алтай, а также в Калининградской области и Красноярском крае [Ульихин 2014: 32-38];

11) акты органов исполнительной власти субъектов РФ;

12) акты органов местного самоуправления;

13) локальные нормативно-правовые акты. Так, ст. 8 Трудового кодекса РФ, по сути, предоставляет всем работодателям (за исключением работодателей – физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями) право локального нормотворчества [Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ]. Однако столь широкое допущение локального нормотворчества вовсе не является общим правилом для иных отраслей российского права.

Так в общем виде может быть представлена иерархия нормативно-правовых актов в современной российской правовой системе. Предназначение такого расположения нормативно-правовых актов по юридической силе – в установлении их соподчиненности, когда при коллизии между ними в качестве поведенческого образца избирается норма, закрепленная в акте большей юридической силы [Петренко 2011: 111-120].

Однако необходимо учитывать, что применительно к России на указанную систему значительное влияние оказывает принцип федерализма. Так, на вопрос «что выше по юридической силе: указ Президента РФ или Закон субъекта РФ?» не стоит давать поспешного ответа о большей юридической силе актов Президента РФ, т. к. они, якобы, занимают более высокое положение в ранее приведенной системе. Распределение предметов ведения и полномочий по трем группам (исключительного ведения РФ, совместного ведения, исключительного ведения субъектов РФ) предполагает, что акт федерального органа государственной власти не может, например, вмешиваться в предмет исключительного ведения субъекта РФ и наоборот. Это означает, что в определенных условиях (ст. 73 Конституции РФ) закон субъекта РФ может

подлежать приоритетному применению по отношению к указу Президента РФ. Это, как минимум, один пример, демонстрирующий условность ранее приведенной иерархии нормативно-правовых актов.

Проследим влияние принципа федерализма на понимание системы нормативно-правовых актов также на таком примере:

Решением Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 5 июня 2002 г. признан противоречащим федеральному законодательству, недействующим и не подлежащим применению со дня вступления решения в законную силу Закон г. Москвы от 7 декабря 2001 г. № 69 «О городском минимуме оплаты труда» на том основании, что установление минимума оплаты труда относится к компетенции федеральных органов законодательной власти. Московский городской суд указал: «В силу этого неправомерно установление и иного, хотя и превышающего установленный на федеральном уровне, минимума оплаты труда» [Решение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 5 июня 2002 г.].

На вопрос о том, может ли субъект Федерации в своем законодательстве повысить уровень прав и свобод человека и гражданина по сравнению с федеральным стандартом, если этот вопрос отнесен к исключительной компетенции Федерации, Московский городской суд справедливо ответил отрицательно. Т. е. судебная практика пришла к выводу, что субъекты РФ могут повышать уровень прав свобод и гарантий лишь путем установления дополнительных прав, которые не предусмотрены федеральным законодательством. Не может нормативно-правовой акт субъекта РФ вторгаться в предметы ведения Федерации в целом ни при каких условиях.

Встречаются в правоприменительной практике и более сложные случаи иерархической коллизии. Так, в соответствии с Указом Президента РФ от 05.05.1992 N 431 (ред. от 25.02.2003) «О мерах по социальной поддержке многодетных семей» устанавливается следующее субъективное право для многодетных семей:

«...бесплатное питание (завтраки и обеды) для учащихся общеобразовательных и профессиональных учебных заведений за счет средств всеобщего и отчислений от их производственной деятельности и других внебюджетных отчислений».

При этом механизм реализации этой нормы предусмотрен не был.

Одновременно с вышеуказанной нормой на территории Алтайского края действует Закон Алтайского края от 29.12.2006 N 148-ЗС «О дополнительных мерах социальной поддержки многодетных семей в Алтайском крае», которым предусматриваются:

«компенсационные выплаты на питание для учащихся общеобразовательных учреждений», а также устанавливается механизм реализации указанного субъективного права.

Таким образом, перед нами коллизия нормы федерального уровня (но не обеспеченной механизмом ее реализации) и нормы уровня субъекта РФ (обеспеченной механизмом реализации). Практика, по-видимому, пошла по пути придания приоритета второй норме и исключения действия нормы федерального уровня в силу ее «мертворожденности». Но такая позиция противоречит пусть не «букве», но «духу» ст. 76 Конституции РФ, предполагающей по вопросам совместного ведения приоритетность федеральных нормативно-правовых актов. А потому Закон Алтайского края ни в коем случае не может осуществить замену одного субъективного права (пусть и нереализуемого) на другое; он может лишь осуществить дополнительное правовое регулирование, что, собственно, отражено и в наименовании Закона Алтайского края.

Итак, для разрешения коллизии норм разной юридической силы принципиально важным является местоположение актов, в которых содержатся указанные нормы, в иерархии нормативно-правовых актов. По установлении их местоположения следует руководствоваться правилом: акт большей юридической силы приоритетен по отношению к акту меньшей юридической силы.

Но вновь заметим, что речь идет именно о системе нормативно-правовых актов. В правовых системах, допускающих широкое применение иных источников права (правовой обычай, судебный прецедент, правовая доктрина и пр.) для применения указанного правила необходимо будет установить характер взаимоотношения между этими источниками.

Коллизионное правило об актах разной юридической силы обладает наибольшим «удельным весом». Оно подчиняет себе как правило об общей и специальной норме, так и правила разрешения темпоральных (временных) коллизий. Например, если в коллизию вступят старая норма меньшей юридической силы, но сформулированная по типу специально, и новая общая норма большей юридической силы, то первенством будет пользоваться норма большей юридической силы.

## Литература

Васьковский Е. В. Руководство к толкованию и применению законов: для начинающих юристов. М., 1913.

Закон Алтайского края от 29.12.2006 N 148-ЗС «О дополнительных мерах социальной поддержки многодетных семей в Алтайском крае» (ред. от 31.12.2013) / Алтайская правда. - N8-9, 18.01.2007

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) / Собрание законодательства РФ. – 04.08.2014, N 31. – Ст. 4398.

Определение Конституционного Суда РФ № 13-О от 01.04.1996 / СПС «КонсультантПлюс».

Определение Конституционного Суда РФ № 137-О от 28.12.1995 / СПС «КонсультантПлюс».

Определение Конституционного Суда РФ от 02.03.2006 N 58-О / Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. - 2006 г., N 4, Решение Верховного Суда РФ от 18.06.1998. / Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, 1998 г., N 12, стр. 7.

Петренко Д. С. О принципе верховенства закона: противоречия между законами и подзаконными нормативными актами на примере норм, регулирующих оборот биологически активных добавок / Вестник Международного института экономики и права. - № 2 (3). - 2011. - С.111-120.

- Петров А. А. Внутренняя согласованность действующей Конституции РФ и спорные вопросы преодоления коллизий в праве. URL: <https://www.academia.edu/37972843>.
- Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 N 21-П / Российская газета. - N 163. - 27.07.2015.
- Решение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 5 июня 2002 г. URL: <http://www.alppp.ru/law/trud-i-zanjatost-naselenija/trud/90/reshenie-moskovskogo-gorodskogo-suda-ot-05-06-2002--3-2502002.pdf>
- Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о режиме российско-китайской государственной границы (Заклучено в г. Пекине 09.11.2006). Соглашение вступило в силу 08.04.2007 / Бюллетень международных договоров. - 2007. - N 5. - С. 40-78.
- Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 06.04.2015, с изм. от 02.05.2015) / Российская газета. - N 256. - 31.12.2001.
- Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ. / Собрание законодательства РФ. - 17.06.1996. - N 25. - Ст. 2954.
- Указ Президента РФ от 05.05.1992 N 431 (ред. от 25.02.2003) «О мерах по социальной поддержке многодетных семей» / В данном виде документ опубликован не был.
- Ульихин В. С. Особые законы субъектов Российской Федерации: возможная конституционно-правовая трактовка / Сибирский юридический вестник. - №2. - 2014. - С. 32-38.
- Хисамов Э. Р. К вопросу о месте федеральных законов о ратификации в иерархии нормативных актов Российской Федерации / Современная наука. - 2010. - №3. - С. 58-61.

## References

- Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the People's Republic of China on the regime of the Russian-Chinese state border (Concluded in Beijing on November 9, 2006). The Agreement entered into force on 08.04.2007. Bulletin of International Treaties. 2007. N 5. Pp. 40-78 (in Russian).
- Decision of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Moscow City Court of June 5, 2002. Available from: <http://www.alppp.ru/law/trud-i-zanjatost-naselenija/trud/90/reshenie-moskovskogo-gorodskogo-suda-ot-05-06-2002--3-2502002.pdf> (in Russian).
- Decree of the President of the Russian Federation of 05.05.1992 N 431 (as amended on 25.02.2003) "On measures for the social support of large families." The document was not published in this form.
- Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 13-O of 04/01/1996. SPS "ConsultantPlus" (in Russian).
- Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 137-O of December 28, 1995. ATP "Consultant Plus" (in Russian).
- Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 02.03.2006 N 58-O. Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. - 2006, N 4, Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 06/18/1998. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, 1998, N 12, p. 7 (in Russian).
- Khisamov, E. R. (2010). On the question of the place of federal laws on ratification in the hierarchy of normative acts of the Russian Federation. Modern Science, 3, 58-61 (in Russian).
- Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001 N 197-FZ (as amended on April 6, 2015, as amended on May 2, 2015). Rossiyskaya Gazeta. - N 256. - 12/31/2001 (in Russian).
- Law of the Altai Territory dated December 29, 2006 N 148-3C "On additional measures of social support for large families in the Altai Territory" (as amended on December 31, 2013). Altaiskaya Pravda. - N8-9, 01/18/2007 (in Russian).
- Petrenko, D. S. (2011). On the principle of the rule of law: contradictions between laws and by-laws on the example of the rules governing the circulation of biologically active additives. Bulletin of the International Institute of Economics and Law, 2 (3), 111-120 (in Russian).
- Petrov, A. A. Internal consistency of the current Constitution of the Russian Federation and controversial issues of overcoming conflicts in law. Available from: <https://www.academia.edu/37972843> (in Russian).
- Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 14, 2015 N 21-P. Rossiyskaya Gazeta. - N 163. - 07/27/2015 (in Russian).
- The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (subject to amendments made by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of December 30, 2008 N 6-FKZ, of December 30, 2008 N 7-FKZ, of February 5, 2014 N 2 -FKZ, dated July 21, 2014 N 11-FKZ, dated March 14, 2020 No. 1-FKZ). Collection of legislation of the Russian Federation. - 08/04/2014, N 31. - Art. 4398 (in Russian).
- The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ. Collected Legislation of the Russian Federation. - 06/17/1996, N 25. - Art. 2954 (in Russian).
- Ul'ikhin, V. S. (2014). Special laws of the constituent entities of the Russian Federation: a possible constitutional and legal interpretation. Siberian Legal Bulletin, 2, 32-38 (in Russian).
- Vaskovskiy, E. V. (1913). Guide to the interpretation and application of laws: for beginner lawyers. Moscow (in Russian).

### Citation:

- Васев И. Н. Идея иерархии в праве: практические аспекты // Юрислингвистика. – 2023. – 28. – С. 43-48.  
 Vasev I. N. (2023). Hierarchy in Law: Practical Approach. Legal Linguistics, 28, 43-48.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

